

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-22>

УДК 331.5, 339.92

JEL F66, J61

Е. Б. Бедрина , Е. Алаи , О. А. Козлова

^{а, в)} УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

^{а, в)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

«Традиционная» и «новая» миграция из Китая на региональном рынке труда: количественный и качественный анализ¹

Аннотация. Рост культурно-экономических отношений между Россией и Китаем способствует привлечению китайских трудовых мигрантов в российские регионы. Одним из таких регионов является Свердловская область, в последние годы аккумулирующая миграционные потоки из северо-восточных провинций Китая. Цель исследования состоит в выявлении изменений в адаптационных стратегиях китайских мигрантов на региональном рынке труда на примере г. Екатеринбурга Свердловской области, для которой китайская миграция наиболее многочисленна среди миграции из дальнего зарубежья. Методы исследования основываются на сборе и анализе статистических и эмпирических данных, полученных из официальных источников и дополненных результатами полуструктурированных интервью, проводившихся на китайском языке среди мигрантов в сентябре-октябре 2024 г. и январе 2025 г. Исследование выявило возрастание роли в адаптации китайских мигрантов, с одной стороны, университета как образовательной площадки по подготовке высококвалифицированных кадров и как работодателя, с другой – гибких форм занятости, связанных с интеллектуальным трудом. В ходе исследования определилось разделение современной китайской миграции на «традиционную», формирующуюся преимущественно вокруг вещевого рынка из низко- и среднеквалифицированных трудовых мигрантов и «новую», представленную молодыми китайцами, получившими или продолжающими получать образование в российских вузах, и одновременно являющихся участниками рынка труда. Выделены две основные адаптационные стратегии поведения китайских мигрантов в принимающем сообществе – сегрегация у «традиционных» мигрантов и интеграция – у «новых». Сделан вывод о предпринимательском характере китайской миграции и достаточно высокой адаптационной способности как «традиционных», так и «новых» мигрантов. Полученные результаты вносят вклад в изучение китайской миграции и могут способствовать укреплению сотрудничества между Россией и Китаем.

Ключевые слова: рынок труда, китайские трудовые мигранты, занятость мигрантов, новая китайская миграция, стратегии адаптации мигрантов, Свердловская область

Благодарность: *Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 0327–2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».*

Для цитирования: Бедрина, Е. Б., Алаи, Е., Козлова, О. А. (2025). «Традиционная» и «новая» миграция из Китая на региональном рынке труда: количественный и качественный анализ. *Экономика региона*, 21(3), 886–901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-22>

¹ © Бедрина Е. Б., Алаи Е., Козлова О. А. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Elena B. Bedrina ^{a, b}, Yerlan Alay^b, Olga A. Kozlova ^c^{a, b} Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation^{a, c} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Traditional and Emerging Chinese Migration in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast (Russia): A Quantitative and Qualitative Analysis

Abstract. The expanding cultural and economic ties between Russia and China have increased the influx of Chinese labour migrants into various Russian regions, including Sverdlovsk Oblast. Recently, this region has seen growing migration flows from northeastern Chinese provinces. This study aims to identify the employment characteristics and adaptation strategies of Chinese migrants in the labour market, focusing on Yekaterinburg—the city with the largest number of migrants from distant foreign countries. The methodology combines empirical data from official sources with insights from semi-structured interviews conducted in Chinese among migrants who arrived in September–October 2024 and January 2025. Findings highlight the university's dual role: as an educational institution training highly skilled personnel and as an employer facilitating migrant adaptation through modern, intellectual employment opportunities. The research distinguishes between two types of Chinese labour migration: “traditional,” consisting primarily of low- and medium-skilled workers concentrated around the urban clothing market, and “new,” composed of young Chinese migrants pursuing or having completed education at Russian universities while actively participating in the labour market. The study identified two main adaptation patterns: “traditional” migrants generally experience segregation, whereas “new” migrants are more inclined toward integration. Both groups demonstrate high adaptive capacity and exhibit entrepreneurial characteristics. These results contribute to a deeper understanding of Chinese migration and may support further development of Russia-China cooperation.

Keywords: labour market, Chinese labour migrants, migrant employment, new Chinese migration, migrant adaptation strategies, Sverdlovsk Oblast

Acknowledgments: This article was prepared as part of the state assignment to the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, for 2024–2026 (No. 0327–2024-0009) titled “Mechanisms for Regulating the Economic Behavior of the Population in the Context of Structural Changes.”

For citation: Bedrina, E.B., Alay Y., Kozlova, O.A. (2025). Traditional and Emerging Chinese Migration in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast (Russia): A Quantitative and Qualitative Analysis. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 886–901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-22>

Введение

В силу географического положения сферой экономических интересов Китая традиционно были регионы Дальнего Востока, на территории которых еще до XIX в. сложилась и существовала китайская община. Культурное и экономическое сотрудничество Свердловской области и Китая также имеет исторические корни. Еще в начале 50-х годов XX в. большая группа китайской молодежи прошла обучение в Уральском политехническом институте (ныне Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) и стажировку на предприятиях города Свердловска (ныне город Екатеринбург) (Каменских, Авдашкин, 2023). Однако в 1960-е гг. произошло охлаждение отношений между Китаем и Советским Союзом и до начала 1990-х гг. встретить китайского гостя было большой редкостью.

Началом новых взаимовыгодных международных отношений между Китаем и Свердловской областью послужило

Соглашение о взаимном дружественном сотрудничестве между Свердловской областью (СССР) и городом Харбином (КНР), которое было заключено 22 апреля 1991 года¹. Через четыре года после этого в г. Екатеринбурге был открыт крупный оптово-розничный рынок — «Таганский ряд», ставший важным местом традиционной занятости китайских мигрантов.

В XXI столетии в процессе роста своей экономической мощи Китай начал активно продвигать свои экономические интересы на территории России. Этому способствовало Соглашение о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в КНР и граждан КНР в Российской Федерации, заключенное в 2000 году². Соглашение активизировало

¹ Соглашения Министерства международных и внешнеэкономических связей ВЭД Свердловской области. <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 12.04 2024).

² Лосюков, А.П. (ред.) (2007). Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой

в том числе экономическое и культурное сотрудничество Свердловской области как крупного срединного (Татаркин, 2005) и промышленно развитого региона и северно-восточных китайских провинций. Важным фактором этого сотрудничества стало привлекательное географическое положение российского региона, расположенного на границе Европы и Азии, пересечении воздушных и сухопутных транспортных коридоров (Транссиб и железнодорожная трасса Китай — Казахстан — Челябинск — Екатеринбург, скоростная магистраль Екатеринбург — Челябинск, международный аэропорт «Кольцово»).

В апреле 2002 г. было подписано Соглашение подолгосрочному сотрудничеству Департамента внешней торговли и экономического сотрудничества Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с Министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, в июле 2016 г. — Соглашение между Правительством Свердловской области и Народным Правительством провинции Хэйлуцзян (КНР) о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве¹. В 2009 г. в Екатеринбурге было открыто Генеральное консульство КНР.

В настоящее время активно развивается сотрудничество между уральскими и китайскими университетами, реализуются сетевые образовательные программы и программы двойных дипломов, растет академическая мобильность. В 2015 г. Уральский государственный экономический университет вошел в Стратегический союз высших учебных заведений «Один пояс и один путь» наряду с университетами Китая. С 2022 г. Уральский федеральный университет совместно с Хэнаньским университетом науки и техники реализует проект по открытию Лоян-Уральского университета в Китае. Свою лепту в это сотрудничество вносят научные институты Уральского отделения РАН.

Китай является основным торговым партнером Свердловской области, однако в связи с ограниченной доступностью статистических данных оценить динамику торговых потоков можно только до 2021 г. Согласно официальным данным, доля Китая во внешнеторговом обороте

деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации. Сборник российско-китайских документов, 1999–2007. Москва: ОЛМА Медиа Групп.

¹ Соглашения Министерства международных и внешнеэкономических связей ВЭД Свердловской области. <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 12.04.2024).

Свердловской области за период с 2011 по 2021 г. возросла с 5,5 % до 22,2 %, причем наиболее быстрыми темпами шел рост импорта. В 2021 г. торговый оборот Свердловской области с Китаем возрос на 11,6 %, экспорт — на 2,8 %, импорт — на 29,6 %². Важную роль в торгово-экономическом сотрудничестве играют китайские мигранты, которые обслуживают товарный поток между нашими странами (Gelbras, 2005). В 2020–2021 гг. Свердловская область занимала 5-е место по привлекательности у китайских туристов (Добрынина, 2023), многие из которых приезжали по делам компаний.

В настоящее время экономические отношения между Свердловской областью и Китаем продолжают развиваться. Так, в 2023 г. города Богданович (Свердловская область, РФ) и Тунцзян (провинция Хэйлуцзян, КНР) стали городами-партнерами. Дальнейшему развитию экономических отношений Свердловской области и Китая будет способствовать реализация совместного проекта — строительство в регионе ТЛЦ «Сухой порт», планируемая мощность которого к 2026 г. составит 5 млн т с перспективой роста до 100 млн т³.

Важным направлением экономического сотрудничества стал обмен трудовыми ресурсами. Несмотря на то, что поток китайских мигрантов в Свердловскую область относительно небольшой, среди стран дальнего зарубежья Китай является лидером по числу прибывших в регион (29 % в 2023 г.)⁴.

Свердловская область является показательным регионом с точки зрения численности китайской миграции и перспектив ее развития. Так, в 2024 г. Свердловская область занимала восьмое место по численности прибывших из Китая мигрантов среди российских регионов, опережая все дальневосточные регионы России, кроме Хабаровского и Приморского краев⁵.

В научной литературе наиболее изучена китайская трудовая миграция на Дальнем Востоке (Рыбаковский и др., 1994; Minakir, 1996; Wishnick, 2005; Нестерова, 2004; Alexeeva, 2008; Мищук, 2014, Мищук, Рязанцев, 2021; Дятлов,

² Итоги ВЭД. Министерство международных и внешнеэкономических связей ВЭД Свердловской области. <http://mvs.midural.ru/itogi-ved> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Садыков, Р.Р. Проект «Сухой порт». <https://www.mos.ru/upload/documents/files/669/11PrezentaciyaSyhoiportEkaterinburg.pdf?ysclid=m6lwa29g3e90735608> (дата обращения: 29.01.2025).

⁴ ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 29.01.2025).

⁵ ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 29.01.2025).

Дятлова, 2022). В то же время, существует дефицит современных исследований китайской трудовой миграции в других российских регионах. Объяснение этому мы можем найти у С. В. Рязанцева и У. Цюнлань, которые отмечают, что «китайцы склонны к ведению скрытого, непубличного образа жизни, они избегают внимания со стороны средств массовой информации, местных властей и правоохранительных органов и обычно проживают локализованной замкнутой общиной» (Рязанцев, Цюнлань, 2015, с. 8).

Однако, необходимо отметить, что большинство авторов: Ларинов (2009); Рязанцев (2009); Рязанцев, Цюнлань (2015) и другие, описывают в основном «традиционную» китайскую миграцию, которая характеризуется низким уровнем образования и квалификации. Появление «новой» китайской миграции, по мнению ряда исследователей, связано с проведенными в Китае реформами 1978 г., в результате которых был снят ряд ограничений на мобильность населения, что сказалось на росте китайской миграции за рубеж (Анохина, 2012; Алешковский и др., 2019).

В нашем исследовании выявлена «новая» группа китайских мигрантов, которая по своим характеристикам отличается от сложившихся в научной литературе представлений о китайской миграции в России. В отличие от общепринятого мнения, также, как и Е. М. М. Каунг, мы подразумеваем под «новой» китайской миграцией только высококвалифицированную миграцию (Каунг, 2008), и, как М. И. Добрынина (2023, с. 154), связываем эту миграцию с деятельностью российских вузов, способствующих появлению на российском рынке труда китайских мигрантов с высоким уровнем образования и квалификации, занятых в сфере ИТ, финансов, логистики, коммуникаций, образования, выполняющих работы по переводу документации с китайского языка. Именно такие китайские мигранты еще в начале XX в. начали появляться в США, Канаде и Западной Европе (Игошева, 2020).

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении особенностей сфер занятости и адаптационных стратегий китайских мигрантов на примере Свердловской области. Исследовательской гипотезой стало предположение о различии сфер занятости и стратегий адаптации у китайских «традиционных» и «новых» мигрантов на региональном рынке труда. В исследовании поставлены следующие задачи: 1) с помощью данных официальной статистики провести количественный анализ ки-

тайской миграции на примере Свердловской области; 2) дополнить имеющуюся информацию данными, полученными на основе использования качественного анализа.

Данные и методы

В первой части исследования проведен анализ количественных данных о китайской миграции в Свердловской области, взятых из открытых официальных статистических источников, предоставленных Росстатом. Во второй части статьи количественные данные дополнены качественными, полученными в результате полуструктурированных интервью, проводившихся в сентябре-октябре 2024 г. и январе 2025 г., цель которых заключалась в выявлении мнений и эмоций участников беседы, по которым можно было судить об их субъективном опыте пребывания на территории региона и мотивах формирования адаптационных стратегий поведения. Качественные методы социологического анализа позволили выявить специфические черты молодых китайских мигрантов и особенности их интеграции в принимающее сообщество (места проживания, активность взаимодействия с местным населением, места приложения интеллектуального труда, которые не выявляет статистика), что позволило их идентифицировать как «новую» миграцию.

Формирование выборки носило двухступенчатый характер. Первоначально использовалась квотная выборка для определения мест присутствия китайских мигрантов. Она формировалась таким образом, чтобы получить представление о различных стратах китайской миграции (табл. 1).

Затем в местах присутствия китайских мигрантов случайным образом формировалась выборка респондентов. При этом использовались два критерия: наличие гражданства Китая и трудовой занятости в регионе.

Так как проводить опрос китайских мигрантов затруднительно в силу «языкового барьера, закрытости китайской общины и недоверия к незнакомым людям» (Ларин, 2009, с. 152), опрос респондентов проводился их соотечественником на китайском языке, благодаря чему была создана непринужденная, дружественная атмосфера, что позволило достигнуть максимально возможной доверительной обстановки при проведении бесед.

Список тем для обсуждения состоял из пяти блоков, каждому из которых соответствовала неформальная подборка вопросов:

Объекты присутствия китайских мигрантов, участвующих в интервью

Table 1

Locations of Chinese migrants participating in the interview

Критерий	Страта	Объект присутствия респондентов
Уровень образования, квалификации	Средний и низкий	Рынок «Таганский ряд», ТЦ «Пекин»
	Высокий	Центр Конфуция (УрФУ)
Возраст	Люди старших возрастов	Рынок «Таганский ряд»,
	Молодые люди	Китайский чат «WeChat»
Имущественный статус	Выше среднего	Кафе китайской кухни «Мала Цзянху»

Источник: составлено авторами.

— информация о респонденте (пол, возраст, семейное положение, образование, сфера занятости, период нахождения в России и т. п.);

— трудоустройство в России (каналы поиска работы, сложность трудоустройства, дискриминация при трудоустройстве и т. п.);

— условия занятости в России (наличие трудового договора/регистрации бизнеса, отношение с работодателем, режим труда и продолжительность рабочего времени, характеристика рабочего места, уровень и особенности выплат заработной платы, отношение с коллегами и т. п.);

— мотивация к труду (уровень удовлетворенности условиями труда и заработной платой, преимущество работы в России и т. п.);

— адаптация в России (жилищные условия, особенности питания, проведение досуга, поддержка связей с соотечественниками: с теми, кто остался на родине, и с теми, кто находится в России, установление контакта с местным населением, планы на будущее, желание остаться в России и т. п.).

В ходе исследования проведено 22 полуструктурированных интервью, в том числе 10 интервью с китайскими мигрантами на крупнейшем рынке г. Екатеринбурга «Таганский ряд» и в торговом центре «Пекин», 6 респондентов найдены через популярный китайский чат «WeChat» (Koreshkova, 2018), еще трое мигрантов были опрошены в кафе китайской кухни «Мала Цзянху», 3 интервью взяты у работников Центра Конфуция в Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Респонденты были предупреждены, что их ответы записываются на диктофон. По времени каждое интервью занимало от 60 до 90 минут. Чтобы защитить личную жизнь респондентов, использованы псевдонимы опрошенных. Для обработки данных использовались транскрибация и кодирование.

Результаты

1. Характеристика китайской миграции в Свердловской области на основе данных официальной статистики

Экспорт трудовых ресурсов из Китая в Россию является важной частью экономического и культурного сотрудничества наших стран. Китай, обладая значительной численностью трудовых ресурсов, поощряет трудовую миграцию, помогая решать проблему высокого уровня молодежной безработицы, которая в апреле 2023 г., по данным Национального бюро статистики Китая, составила 20,4 % среди лиц от 16 до 24 лет¹.

Китайская миграция в Свердловскую область относительно невысока. По данным переписи населения 2020 г., на территории Свердловской области было зафиксировано 288 мигрантов из Китая (5,7 % от всей китайской миграции в России), 139 человек, или 58 % из числа указавших цель приезда, приехали в регион на работу, 46 человек приехали получать образование (8 % от образовательной миграции в Россию и 19 % от указавших цель приезда в регион) (табл. 2).

Показатели динамики китайской миграции демонстрируют высокую чувствительность к состоянию экономики и политической ситуации в стране пребывания.

Например, в 2019 г. в связи с ростом торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества Свердловской области с провинциями Китая наблюдался значительный приток мигрантов в регион. Однако из-за введения карантинных мер в связи с эпидемией COVID-19 многие китайские мигранты не смогли выехать на родину, что привело к их резкому оттоку после снятия ограни-

¹ National Bureau of Statistics of China (2023). National Economy Sustained the Good Momentum of Recovery in April. https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202305/t20230516_1939490.html (дата обращения: 29.01.2025).

Таблица 2

Китайские мигранты, временно находившиеся на территории Российской Федерации и Свердловской области по цели приезда (по данным ВПН 2020)

Table 2

Number of Chinese migrants temporarily staying in Russia and Sverdlovsk Oblast by purpose of arrival (according to the 2020 All-Russian Population Survey)

Территории	Всего	Указавшие цель приезда	в том числе:				
			работа	учеба	служебная или деловая поездка	туризм, отдых, частная поездка	другая цель
Российская Федерация	5 024	4 967	3 952	571	187	176	81
Свердловская область	288	240	139	46	8	14	33

Источник: Итоги ВПН-2020. Таблица 10. Население, временно находившееся на территории Российской Федерации, по стране постоянного проживания и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya (дата обращения: 29.01.2025).

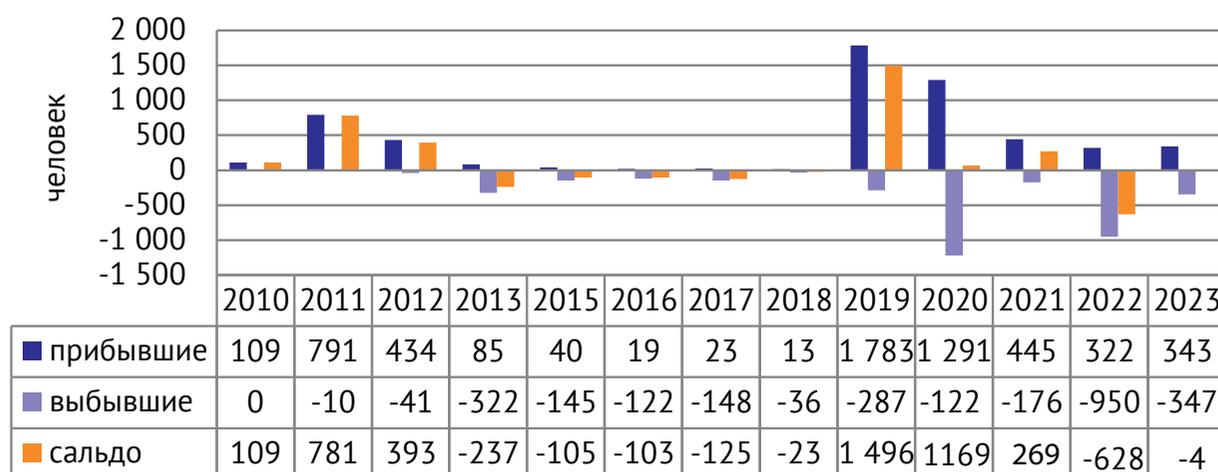

Рис. 1. Миграция из Китая в Свердловскую область в период с 2010 по 2023 год, чел. (источник: составлено авторами по: ЕМИСС <https://fedstat.ru/indicator/43514>; <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 29.01.2025))

Fig. 1. Migration from China to Sverdlovsk Oblast from 1997 to 2023 (number of people)

чений в 2022 г. и, как следствие, к отрицательному сальдо миграции в 2022 и 2023 гг. (рис. 1).

По данным Росстата, доля китайцев в общем потоке мигрантов, прибывших в регион, небольшая. В частности, в 2023 г. на территорию Свердловской области из Китая прибыло всего 343 мигранта¹. Доля женщин среди данной группы лиц составила 33 %, мужчин — 67 %. Подавляющее большинство прибывших (94 %) — лица трудоспособного возраста. Среди них преобладали люди молодого возраста, так, доля лиц от 14 до 29 лет составляла 44 %, в том числе лица мужского пола — 45 %.

¹ ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 29.01.2025).

Среди прибывших в 2023 г. только один человек был зарегистрирован по новому месту жительства, остальные имели статус временных мигрантов, прибывших в регион на срок от 9 месяцев до года –202 человека), на один год — 120 человек, на два года — 8 человек, на три года — 4 человека и на пять лет и более — 8 человек.

Уровень образования китайских мигрантов в регионе относительно невысокий, большинство имеют среднее специальное или среднее общее образование (рис. 2).

Китайская трудовая миграция в регионе формируется преимущественно вокруг городских рынков, как и в других российских регионах (Дятлов, 2014, 2020; Григоричев, Дятлов,

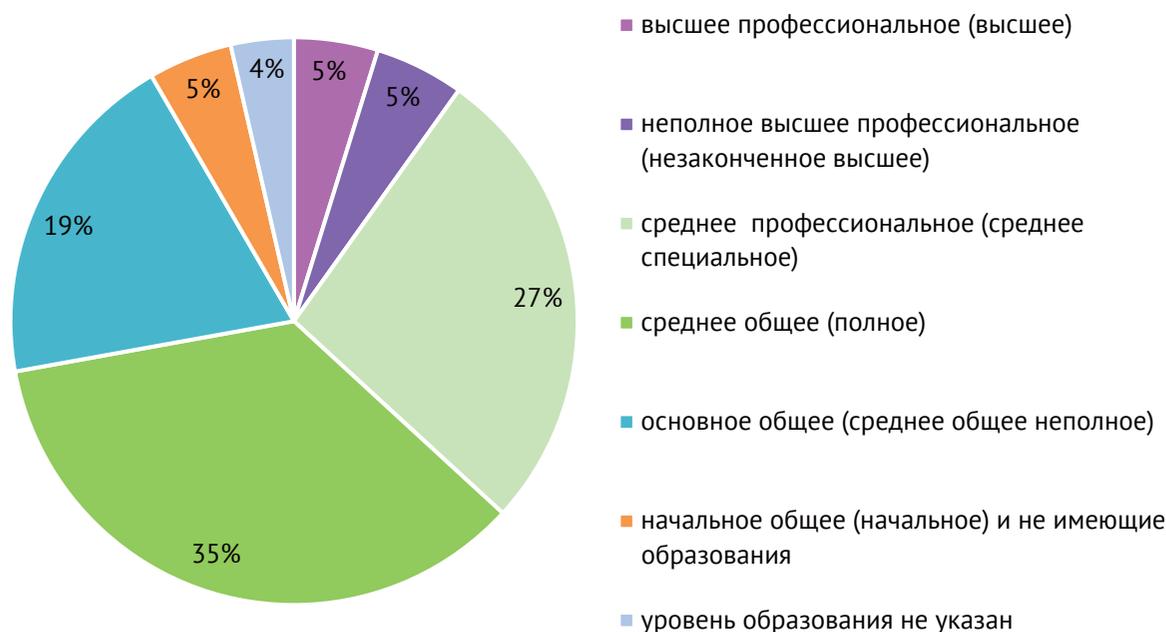

Рис. 2. Распределение мигрантов, прибывших из Китая в Свердловскую область в 2023 году, по уровню образования, % (источник: составлено по данным Росстата. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 20.01.2025))

Fig. 2. Distribution of migrants from China in Sverdlovsk Oblast by level of education in 2023, percentage

2017; Авдашкин, 2023, 2024). Традиционно местами занятости китайских мигрантов являются оптовая и розничная торговля, сфера питания и бытового обслуживания. В 2019 г. на территории Таганского рынка в Екатеринбурге был открыт торговый центр «Пекин», торгующий товарами из Китая, Вьетнама и Турции, который стал основным местом занятости китайских мигрантов.

Рассматривая количественные показатели китайской трудовой миграции, следует понимать, что они, скорее всего, сильно занижены в силу высокой мобильности китайцев, многие из которых активно перемещаются через границу в качестве сезонных рабочих, коммерсантов и туристов, а также в силу «замкнутости» китайской общины (Рязанцев, 2009, с. 86; Ryazantsev, 2014, с. 36; Рязанцев, Цюньлань, 2015, с. 6). Кроме того, свою лепту в это вносят российские университеты, так как значительная часть молодых китайских мигрантов совмещает получение образования с трудовой занятостью.

Распределение «традиционных» китайских мигрантов по видам занятий демонстрирует относительно низкий уровень их квалификации и ориентацию на сферу услуг и торговли. В частности, 48 % из тех, кто указал сферу занятости, составляли неквалифицированные рабочие; около 25 % – работники сферы обслуживания, торговли и охраны граждан и собственности, что на 5 % ниже, чем в 2019 г.; около 9 %

составили служащие, занятые в сфере услуг, такую же долю составили специалисты высшего уровня квалификации (рис. 3). Статистический анализ был дополнен данными, полученными в ходе качественного социологического опроса, с помощью которого были выявлены новые тенденции в сфере китайской миграции в регионе.

2. Китайские мигранты в Свердловской области в свете социологического исследования

Общая характеристика респондентов. Все респонденты, попавшие в выборку, работали и проживали в г. Екатеринбурге, хотя некоторые из них уже имели опыт проживания в других городах России. Так, одна из респонденток окончила бакалавриат в г. Барнаул (Алтайский край), а затем у нее появилось желание переехать в более крупный город (Екатеринбург). Выборка респондентов состояла из 12 женщин и 10 мужчин в возрасте от 23 до 64 лет, при этом подавляющее большинство респондентов находились в трудоспособном возрасте. Китайские женщины производили впечатление самостоятельных, амбициозных, уверенных в себе людей. Все они были активными участниками рынка труда, что соответствует наблюдениям V. Gelbras (2005) и Е. Ю. Катковой и М. Г. Новоселовой (2024). Почти все респонденты были выходцами из северо-восточных провинций Китая, о чем свидетельствовал ха-

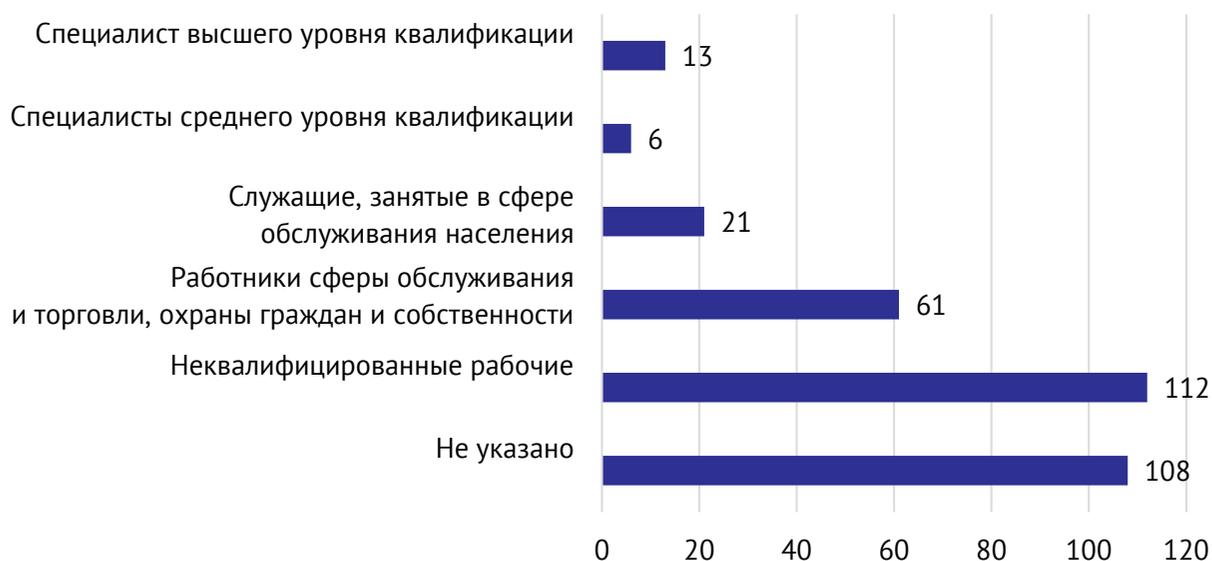

Рис. 3. Распределение мигрантов от 14 лет, прибывших в Свердловскую область из Китая в 2023 г., по видам занятий, чел. (Источник: составлено по данным Росстата <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 20.01.2025))

Fig. 3. Distribution of migrants aged 14 and older from China in Sverdlovsk Oblast by occupation (number of people)

рактерный языковой акцент. Некоторые из них были из сельской местности, но большинство прибыло из городов.

На рынке «Таганский ряд», в том числе в торговом центре «Пекин», работали 7 продавцов, один переводчик, один мастер по ремонту сотовых телефонов и один шеф-повар. В кафе китайской кухни «Мала Цзянху» были взяты интервью у шеф-повара, китайского предпринимателя, который занимался поставками китайских товаров в Россию, и преподавателя языкового центра. Шестеро респондентов в момент интервью совмещали трудовую занятость с учебой в университете, из них трое были заняты на подработках в качестве посредников, один из респондентов занимал исследовательскую должность в научной лаборатории университета, оставшись работать в университете после окончания учебы, двое в свободное от учебы время подрабатывали репетиторами, обучая желающих китайскому языку. Двое респондентов после окончания Уральского федерального университета работали в нем преподавателями в Центре Конфуция, параллельно обучаясь в аспирантуре. Одна из респонденток работала в логистическом центре, который ведет активный бизнес с Китаем. Уровень образования варьировался от среднего и среднеспециального до высшего (включая аспирантуру). Большинство молодых китайцев в браке не состояли, но некоторые из них имели девушку (молодого человека) у себя на родине. Срок нахождения в России варьировался от одного года (студент, а также занятый посредническими операциями) до 30 лет (специалист по продажам).

Трудоустройство в России. Условно респонденты были разделены на две группы: те, кто первоначально приехал на заработки в Россию, и те, кто приехал на учебу в российские вузы и нашел себе работу, в том числе после окончания вуза. Каналом для трудоустройства тех респондентов, кто работал на рынке, служили родственные связи, многие из них приехали в Россию в составе семьи. Шеф-повар из кафе китайской кухни «Мала Цзянху» был завербован у себя на родине для работы в России. Мигранты, работающие на рынке, сообщили, что у них трудностей с трудоустройством не возникало, поскольку работодателями тоже были китайцы и в Россию они приехали по приглашению. Те респонденты, кто получал или получил образование в России, трудоустраивались преимущественно самостоятельно, размещая свои резюме на сайтах «Avito Работа» и «hh.ru».

Большинство респондентов обратили внимание на то, что в России больше возможностей найти работу, чем в Китае. Так, один из респондентов заметил: «...до тех пор, пока на российских предприятиях не будут введены жесткие профессиональные требования к работникам, трудностей при трудоустройстве не возникнет» (предприниматель, 43 года). Некоторые из респондентов поясняли, что конкурентное давление на российском рынке труда небольшое в сравнении с китайским, а их навыки и компетенции достаточно востребованы. Однако встречалось и другое мнение. Например, молодой человек, занимающийся посредническими операциями и параллельно получающий об-

разование в магистратуре, уточнил: «В России бывает сложно найти работу по специальности или более достойную работу с высоким уровнем оплаты труда, если у вас нет связей, так как порог входа на рынок труда относительно высок» (посредник, 28 лет). Сложности в поиске работы на российском рынке труда возникали в основном у молодых китайцев, плохо владеющих русским языком.

Молодые китайские мигранты, работающие репетиторами китайского языка, отмечали большой спрос на их услуги среди россиян. «Если вы владеете русским языком, то можете всегда найти работу в России в качестве репетитора или переводчика с китайского», — заметила Гао Нан (репетитор, 27 лет).

Большинство респондентов не испытывали дискомфорта при трудоустройстве. «Ко мне хорошо отнеслись будущие коллеги, когда я трудоустроивалась, хотя это была российская компания. Им нужен был человек, который мог бы работать с документацией на китайском. Хотя иногда встречается дискриминация, когда китайцы трудоустраиваются в российские компании. Например, они могли бы взять российскую девушку со знанием китайского, а директор выбрал китайянку. Другие работники компании будут недовольны этим», — сказала Цао Мин (работник логистической компании, 28 лет).

Условия занятости в России. У большинства опрошенных нами мигрантов были в наличии трудовые договоры с работодателями, один имел собственный бизнес, зарегистрированный в Китае, и только у некоторых респондентов, совмещающих занятость на региональном рынке труда с получением образования, не было официально оформленных трудовых договоров, среди них два репетитора, работник торговой компании и посредник, занимающийся финансовыми операциями. Несмотря на возможность упрощенной процедуры трудоустройства, которая была введена для иностранных студентов, обучающихся в российских организациях среднего профессионального и высшего образования в 2020 г.¹, работодатели отказали студентам

в официальном трудоустройстве, сославшись на то, что они работают неполный рабочий день. Это подтверждает высказывание Н.А. Табаковой и А.О. Говоровой о том, что российские работодатели часто не желают брать на себя ответственность и обязанности, которые связаны с трудоустройством иностранных работников (Табакова, Говоркова, 2016, с. 122).

Отвечая на вопрос об их уровне жизни в России, все опрошенные связывают свое восприятие уровня жизни в основном с ценами на повседневные товары, которые они считают относительно приемлемыми, хотя в последнее время они становятся все выше и выше. При этом на вопрос: «Устраивает ли вас уровень вашей зарплаты?» — почти все опрошенные ответили, что их вполне устраивает текущий уровень заработной платы, однако раньше, считают они, было намного лучше, но из-за инфляции рубль постоянно обесценивается. Некоторые из респондентов в беседах поделились информацией, что получают в среднем 1200 — 1500 долларов в месяц, и на родине это считается хорошей заработной платой. Данная информация согласуется с результатами исследования С. В. Рязанцева (2009, с. 86–87).

Почти все китайские мигранты, работающие на рынке, переводили деньги на родину, кроме тех, у кого семьи находятся в России. Те, кто совмещали работу и учебу, отмечали, что родители, несмотря на то, что они сами зарабатывают, все равно помогают им, переводят небольшие денежные суммы по 500 или 1000 юаней ежемесячно. Большинство китайских мигрантов имеют депозиты в российских или китайских банках и хранят деньги преимущественно в юанях.

При ответах на вопрос о режиме труда и продолжительности рабочего времени выяснилось, что многие из респондентов имеют небольшой собственный бизнес или работают на предприятии своих родственников. Часто они говорили о том, что сами устанавливают себе график работы. «Мы приехали сюда на заработки, поэтому, если рынок открыт, то вы найдете меня здесь», — сказала тетюшка Цао (продавец, 54 года).

Рост электронной торговли несколько пошатнул положение продавцов на Таганском рынке, но, как они считают, незначительно. Некоторые перешли на электронные платформы, зарегистрировав свой бизнес на маркетплейсах «Ozon» и «Wildberries». Торгуют китайской техникой, едой, сотовыми телефонами. «Я подрабатываю на «Wildberries», продаю аксессуары для сотовых телефонов», —

¹ Федеральный закон от 06.02.2020 N 16-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части упрощения порядка трудоустройства в Российской Федерации обучающихся в российских профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования иностранных граждан и лиц без гражданства». Справочно-правовая система «Консультант плюс». <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/60670.html> (дата обращения: 29.01.2025).

рассказал Сужинмин (мастер по ремонту сотовых телефонов, 32 года).

Особых проблем с выплатой заработной платы китайские мигранты не испытывают. Среди опрошенных только преподаватель китайского языка в языковом центре отметил: «Я не получаю зарплату вовремя, каждый месяц зарплату задерживают. Сталкиваюсь с такой ситуацией, когда берусь за какой-нибудь переводческий проект. После того, как работа сделана, возникает задолженность, которую не выплачивают в течение длительного времени» (преподаватель, 29 лет).

Когда респондентов спросили, что является самым большим препятствием для работы в России, многие назвали языковой барьер. Сужинмин дал такое объяснение: «Русский язык сильно отличается от китайского, и он слишком труден для нас, нам сложно на нем говорить» (мастер по ремонту сотовых телефонов, 32 года). Мы выяснили, что особые языковые трудности испытывают те, кто не изучал русский язык на систематической основе, как это делали студенты, обучающиеся в российских вузах на русскоязычных программах. Переводчик с рынка «Таганский ряд» Вэй Ли пояснил: «Здесь (на рынке) многие не знают русский язык или знают его только на базовом уровне, хотя многие работают здесь очень давно. Когда возникают конфликтные ситуации, обращаются ко мне... или документы нужно перевести, или что-то оформить, съездить куда-нибудь...» (переводчик, 23 года).

В качестве препятствия для работы в России китайские мигранты назвали высокий порог въезда в страну, отметив, что сталкивались с трудностями при получении визы. Трудности видятся также в организации эффективной работы бизнеса. В ходе беседы бизнесменом, занимающимся посреднической деятельностью по оказанию мигрантам услуг в оформлении документов, было высказано мнение о высокой бюрократизации российских государственных структур. «Я открыл здесь компанию. Поток мигрантов, обращающихся ко мне за помощью, постоянно растет, но часто сроки предоставления услуг затягиваются, партнеры могут пообещать, но не сделать. Тот вопрос, который в Китае решается за 5 минут, в России будет решаться неделю», — сказал Чао Чен (посредник, 34 года).

Мотивация к труду. Мы выяснили, что важными мотивирующими факторами являются относительная простота трудоустройства, простота организации и ведения собственного бизнеса, условия занятости и режим работы.

«В Китае высокий уровень безработицы в городах, особенно среди молодежи. На родине многим жителям небольших городов приходится ездить на заработки в крупные мегаполисы или другие регионы. Здесь я уже поработала переводчиком, репетитором, сейчас работаю в логистической компании, мне нравится. У меня гибкий график работы. Если нужно, то я отпрашиваюсь с работы, меня отпускают», — рассказала Цао Мин (28 лет, работник логистической компании).

На вопрос: «В чем заключается самое большое преимущество работы в России для трудового мигранта?» — мы получили различные ответы. Так, представители «традиционных» мигрантов, торгующих на рынке «Таганский ряд» и в ТЦ «Пекин», отметили, что самым большим преимуществом работы в России является востребованность китайских товаров и более низкая конкуренция в сравнении с Китаем. Сяо Чжу и его жена дали эмоциональный ответ, признавшись, что среда, в которой они работают, позволяет им не чувствовать себя одинокими. «Мы считаем, что быть с людьми — это самое большое преимущество нашей работы здесь», — сказал Сяо Чжу (продавец, 64 года). Представители «новой» миграции, совмещающие занятость с получением образования, отметили, что самое большое преимущество заключается в том, что помимо учебы, они могут работать по гибкому графику, имея свободное время, заводить друзей и знакомых из местного населения, что позволяет им лучше понимать культуру и образ жизни россиян и быстрее адаптироваться в их среде.

Адаптация в России. Нас интересовали бытовые условия жизни китайских мигрантов. Оказалось, что подавляющее большинство из них проживает в общежитиях, в том числе, общежитии, находящемся на территории рынка «Таганский ряд». Один из респондентов, занимающийся посреднической деятельностью, отметил, что многие местные жители не желают сдавать квартиры китайским мигрантам. Чао Чен уточнил: «У меня лично не было такого опыта, но я слышал, что иностранцы в России часто сталкиваются с такой ситуацией» (посредник, 34 года). Ван Ли включился в разговор: «Ситуацию, когда местные не хотят сдавать квартиры китайцам, можно понять, так как в каждой стране есть ксенофобия и недоверие по отношению к иностранцам» (предприниматель, 43 года).

Все респонденты отметили, что условия жизни в России их вполне устраивают, хотя им довольно сложно привыкнуть к местной еде.

Китайская кухня более острая, китайцы больше употребляют овощей и специй, поэтому многие из них питаются в китайских ресторанах и кафе. Суровый уральский климат не вызывает каких-либо проблем, так как большинство из них — выходцы из северо-восточного Китая (из провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), где зима достаточно продолжительная, с частыми морозами и холодными ветрами.

Цао Мин пояснила: «Курс юаня относительно стабилен и может сохранить свою стоимость» (работник логистической компании, 28 лет). Лу Вэн отметил, что у него нет депозитов, поскольку деньги у него не задерживаются (исследователь, 24 года), а Си Лян заметил: «Я не имею никакого понятия об управлении финансами» (репетитор, 25 лет).

Разница в культурных нормах создает определенную дистанцию при общении китайцев и местного населения. «Китайцы очень дружные и дружелюбные, они всегда Вам улыбаются — это в нашей культуре. Даже если они Вам откажут, то будут улыбаться. Русские более прямолинейные. Если они чем-то недовольны, они Вам прямо об этом скажут. Нам это не привычно», — сказала Цао Мин (28 лет, работник логистической компании).

В беседах мы задавали довольно острый вопрос: «Подвергались ли вы дискриминации на рынке труда и были ли местные жители дружелюбны к вам?» Респонденты отвечали отрицательно на вопрос о дискриминации и отмечали дружелюбие местных жителей. Своими впечатлениями поделилась тетушка Цао, отметив, что «местные жители, которые приходят на рынок за покупками, очень дружелюбны, но часто дискриминация исходит от таких же трудовых иммигрантов, как мы, из других стран» (54 года, продавец).

Характеризуя свой круг общения, китайцы, работающие на рынке, назвали преимущественно соотечественников, но некоторые также знакомы с мигрантами из стран СНГ. Например, Ван Лян (шеф-повар, 44 года) рассказал, что дружен с азербайджанской семьей, а Лу Чжоу отметила, что одна из ее подруг приехала из Армении (продавец, 32 года). У молодых мигрантов, получающих образование в России, круг общения включает и представителей местного населения.

На вопрос: «Рассматриваете ли вы возможность совсем вернуться в Китай в ближайшем будущем или хотите остаться работать в России?» — мы получили разные по содержанию ответы. Некоторые, прежде всего продавцы, работающие на рынке, заявили, что оста-

нутся в России. Среди них Сяо Чжу и его жена. Они уверенно заявили: «Нам нравится, как живут местные жители и нравится наша работа, именно поэтому мы хотим остаться здесь» (продавец, 56 лет). Другие высказывали желание вернуться в Китай. Так, тетушка Цао поделилась своим настроением: «Ситуация в бизнесе в последние два года плохая, многие из китайцев вернулись на родину и, если ситуация не улучшится, они предпочитают вернуться домой, потому что сейчас ведут убыточный бизнес» (продавец, 54 года). Молодые китайцы, совмещающие работу с получением образования, ответили, что пока не рассматривают этот вопрос из-за учебы, хотя некоторые хотели бы остаться в России. Аспиранты, сочетающие учебу в аспирантуре с преподавательской деятельностью, поделились своими планами после защиты диссертации вернуться в Китай. Выбор данной стратегии поведения соответствует результатам более раннего опроса китайских студентов, в соответствии с которым все высказали единодушное желание после окончания вуза вернуться в Китай или переехать в другие страны (Kosheleva et al., 2015).

Исходя из личного интереса, мы задали вопрос: «Если бы вам представилась возможность сделать повторный выбор, вы бы приехали в Россию?» Отвечая на него, все опрошенные ответили утвердительно, кроме двух студентов, которые воздержались от комментариев.

Выводы и обсуждение

Наше исследование показало, что, начиная с 2010 г., китайская миграция в Свердловской области имеет нестабильную динамику, но постепенно нарастает и становится самостоятельным явлением, а китайские мигранты составляют самую многочисленную группу среди мигрантов, прибывших в регион из дальнего зарубежья.

С окончанием эпидемии COVID-19 политическое и экономическое сотрудничество и обмена между странами и регионами углубились, что сказалось на формировании новой волны миграции из Китая в российские регионы, в том числе и в Свердловскую область. Несмотря на то, что в 2022 г. возросла численность китайских мигрантов, желающих покинуть Россию, общий положительный тренд китайской миграции, которая носит преимущественно трудовой характер, сохраняется. Значимую роль в этом процессе начали играть университеты, занимающиеся подготовкой кадров и выступающие, в том числе, в роли работодателей для китайских мигрантов.

Исследование показало, что в настоящее время можно выделить две группы китайских мигрантов в регионе: «традиционные» и «новые». «Традиционным» китайским мигрантам свойственны относительно низкий уровень образования, плохое знание русского языка, ограниченный круг общения. «Традиционная» миграция сохраняется преимущественно у более взрослого поколения мигрантов, предпочитающих жить в закрытых сообществах. Этому также способствует наличие общешития на территории рынка, заселенного преимущественно китайскими мигрантами.

«Новая» китайская миграция, в отличие от «традиционной», стала заметна в регионе лишь в последние годы. Ее составляют молодые китайцы, которые владеют русским языком и получают либо уже получили образование в России. В современных условиях они достаточно востребованы на региональном рынке высококвалифицированного труда, устраиваясь на работу в качестве преподавателей китайского языка, репетиторов, переводчиков, а также находя применение своим знаниям и навыкам в финансовых организациях и логистических компаниях, ориентированных на китайский бизнес. Они более мобильны на рынке труда, характеризуются большей возможностью трудоустройства не только на китайские, но и на российские предприятия, имеют более широкий круг общения, активно коммуницируя с местным населением. В то же время, они часто не отражаются в официальной статистике по занятости. Являясь студентами или аспирантами, они трудоустраиваются на проектную или временную работу без официального трудоустройства. Их адаптационные стратегии более гибкие по сравнению с «традиционными» мигрантами. Если «традиционные» мигранты концентрируются преимущественно вокруг городского вещевого рынка и в процессе адаптации выбирают стратегию сегрегации, то «новые» мигранты — стратегию интеграции, которая позволяет им диверсифицировать свою за-

нятость и использовать различные ее гибкие формы. Таким образом, выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение.

Несмотря на выявленную нами значительную культурную дистанцию, существующую между россиянами и китайскими мигрантами, мы также согласны с высказыванием о высоком уровне адаптационных способностей у китайских мигрантов на российском рынке труда (Рязанцев, Ян, 2010, с. 3; Рязанцев, Цюньлань, 2015, с. 10), благодаря их сплоченности, энергичности, трудолюбию, исполнительности (Дятлова, 2011, с.73; Voloshin, 2018, с. 1808), высокой работоспособности и неприхотливости к условиям быта (Карелина, Алипа, 2020, с. 37). Наше исследование показало наличие высокого адаптационного потенциала на российском рынке труда как у «традиционных», так и у «новых» китайских мигрантов в условиях использования различных адаптационных стратегий поведения.

Мы также подтверждаем предпринимательский характер китайской миграции на примере Свердловской области, стремление создать небольшой собственный или семейный бизнес, о котором сообщают в своем исследовании Ю.Ю. Лу и Л.С. Ружанская (Lu & Ruzhanskaya, 2023), вне зависимости от того, к какой группе («традиционных» или «новых») принадлежат китайские мигранты, что особенно важно с точки зрения инвестиционной привлекательности региона.

По мере того, как укрепляется социально-экономическое и культурное сотрудничество между Китаем и Россией, существуют перспективы роста китайской миграции в нашу страну. Принимая во внимание тот факт, что с 2020 г. Китай стал лидером по численности студентов, обучающихся за рубежом (Сяоин, Абжаппарова, 2021, с. 39), мы полагаем, что важным направлением дальнейших исследований должно стать изучение образовательной китайской миграции и ее влияния на рынок труда принимающей территории.

Список источников

- Авдашкин, А. А. (2023). «Здесь китайская кухня, там таджикские торговые ряды»: уральский город глазами мигрантов из Средней Азии и КНР. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 10(4(40))*, 127–133. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(4\).127-133](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(4).127-133)
- Авдашкин, А. А., Салганова, Е. И., Пасс, А. А. (2024). Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991–2014 годы). *Научный диалог, 13(7)*, 352–368. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368>
- Алешковский, И. А., Кузовлев, С. С., Слука, Н. А. (2019). «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском Союзе. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика, (2)*, 25–39. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2019-29-3-25-39>
- Анохина, Е. С. (2012). «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: Томский государственный университет, 248.

- Григоричев, К. В., Дятлов, В. И. (2017). «Китайские рынки» России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска). *Вестник Томского государственного университета*, (419), 121–132. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/16>
- Добрынина, М. И. (2023). Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(1), 149–157. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157>
- Дятлов, В. И. (2014). «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 10, 103–119.
- Дятлов, В. И. (2020). «Этнические рынки» — мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592>
- Дятлов, В. И., Дятлова, Е. В. (2022). Китайские мигранты на Дальнем Востоке и российский вариант синдрома «жёлтой опасности» (рубеж XIX–XX вв.). *Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*, 36, 128–166. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-36-128-166>
- Дятлова, Е. В. (2011). Деловая культура китайских предпринимателей в России глазами русских современников (рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.). *Известия Алтайского государственного университета*, (4-1), 72–77.
- Игошева, М. А. (2020). Этническое предпринимательство китайской диаспоры «новой миграции» на примере экономически развитых стран. *Гуманитарий Юга России*, 9(4), 224–234. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17>
- Каменских, М. С., Авдашкин, А. А. (2023). «Наш друг Ван»: культурные фронтиры в представлениях о китайцах на Урале в период 1950 — начала 1960-х гг. *Журнал фронтирных исследований*, 8(1(29)), 161–176. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.501>
- Карелина, Е. А., Алипа, В. Н. (2020) Роль китайской миграции в формировании трудового потенциала Дальнего Востока России. *Тенденции развития науки и образования*, (61-5), 34-37. <https://doi.org/10.18411/lj-05-2020-92>
- Каткова, Е. Ю., Новоселова, М. Г. (2024). Женское лицо китайской миграции. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, 26(1), 128–146. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/128-146>
- Ларин, А. Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность*. Москва: Восточная книга, 512.
- Мищук, С. Н. (2014). *Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России)*. Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 218.
- Мищук, С. Н., Рязанцев С. В. (2021). Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(3), 182–198. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.11>
- Нестерова, Е. И. (2004). Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX вв.). Под ред. В. Н. Соколова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 372.
- Рыбаковский, Л. Л., Захарова, О. Д., Миндогулов, В. В. (1994). *Незаконная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия*. Москва: ИСПИ РАН, 46.
- Рязанцев, С. В. (2009). Китайская миграция в России: тенденции и подходы к регулированию. *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*, (4), 86–88.
- Рязанцев, С. В., Анге (2019). Новые тренды китайской трудовой миграции в Россию. *Наука. Культура. Общество*, 25(3-4), 94–97. <https://doi.org/10.38085/2308829X-2019-3-4-94-97>
- Рязанцев, С. В., Цюньлань У. (2015). Китайские трудовые мигранты на российском рынке труда. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*, (6), 5–11.
- Рязанцев, С. В., Ян, Х. (2010). Китайские мигранты в России: проблемы адаптации и миграционные установки. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*, (6), 3–5.
- Сяоин, Л., Абжаппарова, А. А. (2021). Особенности образовательной миграции китайской молодежи. *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*, (2(135)), 38–50. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50>
- Табакова, Н. А., Говорова, А. О. (2016). Проблемы осуществления трудовой деятельности иностранных граждан в Российской Федерации. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, (4(34)), 121–125.
- Татаркин, А. И. (2005). Социально-экономический статус срединного региона России. *Экономика региона*, 1(2), 5–22.
- Alexeeva, O. (2008). Chinese Migration in the Russian Far East. A Historical and Sociodemographic Analysis. *China Perspectives*, 2008(2008/3), 20–32.
- Balzer, H., & Repnikova, M. (2010). Migration between China and Russia. *Post-Soviet Affairs*, 26(1), 1–37.
- Gelbras, V. (2005). Chinese Migration in Russia. *Russia in Global Affairs*, (2), 2–14.
- Koreshkova, Yu. O. (2018). WeChat as a lifestyle: social network tool of the Chinese migrants in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11(11), 1816–1823. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0342>
- Kosheleva, E. Y., Samofalova, E. I., Holtman, C., & Kopitilova, Y. E. (2015). Chinese students in Russia: Causes of migration and basic educational behavioral tenets. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 215, 38–42. <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.571>
- Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information*, 47(4), 643–659. <http://dx.doi.org/10.1177/0539018408096452>

- Lu, J. J., & Ruzhanskaya, L. S. (2023). Factors influencing Chinese migrants' entrepreneurial activity in Russia: a case study of Sverdlovsk region. *R-Economy*, 9(2), 187–206. <https://doi.org/10.15826/recon.2023.9.2.012>
- Minakir, P.A. (1996). Chinese Immigration in the Russian Far East: Regional, National, and International Dimensions. *Cooperation and conflict in the former Soviet Union: Implications for migration*, 85–86.
- Ryazantsev, S. V. (2014). *Chinese migration and Chinese diaspora in Russia*. Research report. Migration Policy Centre (MPC), 47.
- Voloshin, A.A. (2018). Chinese migrants in the construction business of the Irkutsk region: formal and informal organization of work. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11(11), 1805–1815. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0341>
- Wishnick, E. (2005). The Securitisation of Chinese Migration to the Russian Far East. *Security and Migration in Asia: The Dynamics of Securitisation* (pp. 84–99). London: Routledge.

References

- Aleshkovski, I.A., Kuzovlev, S. S., & Sluka, N.A. (2019). A “New” Migration as the Factor of the Formation of the Chinese Diaspora in the European Union. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics]*, (2), 25–39. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2019-29-3-25-39> (In Russ.)
- Alexeeva, O. (2008). Chinese Migration in the Russian Far East. A Historical and Sociodemographic Analysis. *China Perspectives*, 2008(2008/3), 20–32.
- Anokhina, E. S. (2012). “Novaya” kitaiskaya migratsiya i politika KNR po ee regulirovaniyu [New Chinese migration and its Chinese government regulation policy]. Tomsk, Russia: Tomsk State University, 248. (In Russ.)
- Avdashkin, A.A. (2023). “Chinese Food Here, Tajik Shopping Arcades There”: Ural City through the Eyes of Migrants from Central Asia and China. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki” [Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”]*, 10(4(40)), 127–133. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(4\).127-133](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(4).127-133) (In Russ.)
- Avdashkin, A.A., Salganova, E.I., & Pass, A.A. (2024). Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014). *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 13(7), 352–368. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368> (In Russ.)
- Balzer, H., & Repnikova, M. (2010). Migration between China and Russia. *Post-Soviet Affairs*, 26(1), 1–37.
- Dobrynina, M. I. (2023). Chinese Migration in Conditions of Modernization: The Russian Vector. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal]*, 29(1), 149–157. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157> (In Russ.)
- Dyatlov, V.I. (2014). “Chinese” Market “Shanghai” in Irkutsk: Its Role in the Urban Community Life. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies]*, 10, 103–119. (In Russ.)
- Dyatlov, V.I. (2020). “Ethnic Markets” — Migrant Localities in Post-Soviet Urban Space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592> (In Russ.)
- Dyatlov, V.I., & Dyatlova, E. V. (2022). Chinese Migrants in the Far East and The Russian Version of the “Yellow Peril” Syndrome (The Turn of the 19th — 20th Centuries). *Trudy Instituta Istorii, Arkheologii i Etnografii Narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Scientific Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS]*, 36, 128–166. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-36-128-166> (In Russ.)
- Dyatlova, E. V. (2011). Business Culture of Chinese Businessmen in Russian Contemporaries' Eyes (On the Boundaries of the XIX-XXth and XX-XXst Centuries). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]*, (4-1), 72–77. (In Russ.)
- Gelbras, V. (2005). Chinese Migration in Russia. *Russia in Global Affairs*, (2), 2–14.
- Grigorichev, K. V., & Dyatlov, V.I. (2017). “Chinese Markets” of Russia: The Role in Post-Sustainable Transformation (A Casestudy of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, (419), 121–132. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/16> (In Russ.)
- Igosheva, M.A. (2020). Ethnic Entrepreneurship of the Chinese Diaspora “New Migration” on the Example of Economically Developed Countries. *Gumanitarii Yuga Rossii [Humanities of the South of Russia]*, 9(4), 224–234. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17> (In Russ.)
- Kamenskikh, M. S., & Avdashkin, A. A. (2023). “Our Friend Wang”: Cultural Frontiers in Concepts of the Chinese in the Urals during 1950 — beginning of the 1960s. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy [Journal of Frontier Studies]*, 8(1(29)), 161–176. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.501> (In Russ.)
- Katkova, E. Y., & Novoselova, M. G. (2024). The Female Face of Chinese Migration. *Aziatsko-Tikhoookeanskii region: ekonomika, politika, pravo [PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law]*, 26(1), 128–146. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/128-146> (In Russ.)
- Koreshkova, Yu. O. (2018). WeChat as a lifestyle: social network tool of the Chinese migrants in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11(11), 1816–1823. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0342>
- Kosheleva, E. Y., Samofalova, E. I., Holtman, C., & Kopotilova, Y.E. (2015). Chinese students in Russia: Causes of migration and basic educational behavioral tenets. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 215, 38–42. <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.571>

- Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information*, 47(4), 643–659. <http://dx.doi.org/10.1177/0539018408096452>
- Larin, A. G. (2009). *Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ., 512. (In Russ.)
- Lu, J. J., & Ruzhanskaya, L. S. (2023). Factors influencing Chinese migrants' entrepreneurial activity in Russia: a case study of Sverdlovsk region. *R-Economy*, 9(2), 187–206. <https://doi.org/10.15826/recon.2023.9.2.012>
- Minakir, P. A. (1996). Chinese Immigration in the Russian Far East: Regional, National, and International Dimensions. *Cooperation and conflict in the former Soviet Union: Implications for migration*, 85–86.
- Mishchuk, S. N. (2014). *Migranty i prinyimayushchee soobshchestvo: regional'nyi aspekt [Migrants and host community: regional aspect (the Far east of Russia set as an example)]*. Birobidzhan, Russia: Publishing house of ICARP FEB RAS, 218. (In Russ.)
- Mishchuk, S. N., & Ryazantsev, S. V. (2021). Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 14(3), 182–198. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.11> (In Russ.)
- Nesterova, E. I. (2004). *Russkaya administratsiya i kitaiskie migranty na Yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Russian administration and Chinese migrants in the south of the Russian Far East (second half of the 19th - early 20th centuries)]*. In V. N. Sokolov (Ed.). Vladivostok, Russia: Publishing house of the Far Eastern University, 372. (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V. (2009). Chinese migration in Russia: Trends and approaches to regulation. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, (4), 86–88. (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V. (2014). *Chinese migration and Chinese diaspora in Russia*. Research report. Migration Policy Centre (MPC).
- Ryazantsev, S. V., & Ange (2019). New trends in Chinese labor migration to Russia. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Science. Culture. Society]*, 25(3-4), 94–97. <https://doi.org/10.38085/2308829X-2019-3-4-94-97> (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., & Tsyunlan, U. (2015). The Chinese Labour Migrants in the Russian Labour Market. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1: Economics and Law]*, (6), 5–11. (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., & Yang, H. (2010). Chinese Migrants in Russia: Adaptation Problems and Migration Attitudes. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki [Scientific Review. Series 2: Human Science]*, (6), 3–5. (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L., Zakharova, O. D., & Mindogulov, V. V. (1994). *Nelegal'naya migratsiya v prigranichnykh raionakh Dal'nego Vostoka: istoriya, sovremennost', posledstviya [Illegal migration in the border areas of the Russian Far East: history, modernity, consequences]*. Moscow: ISPI RAS, 46. (In Russ.)
- Tabakova, N. A., & Govorova, A. O. (2016). Problems of implementation of labour activity of foreign citizens in the Russian Federation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA]*, (4(34)), 121–125. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (2005). Socio-economic status of the central region of Russia. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 1(2), 5–22. (In Russ.)
- Voloshin, A. A. (2018). Chinese migrants in the construction business of the Irkutsk region: formal and informal organization of work. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11(11), 1805–1815. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0341>
- Wishnick, E. (2005). The Securitisation of Chinese Migration to the Russian Far East. *Security and Migration in Asia: The Dynamics of Securitisation* (pp. 84–99). London: Routledge.
- Xiaoyin, L., & Abzhapparova, A. A. (2021). Features of Educational Migration of Chinese Youth. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L. N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya [Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series]*, (2(135)), 38–50. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50> (In Russ.)

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>; Scopus Author ID: 56658693400 (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: e.b.bedrina@urfu.ru; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bedrina.eb@uiee.ru).

Алай Ерлань — магистр экономики, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: Aray.yerlan@inbox.ru).

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>; Scopus Author ID: 5805632300; (Российская Федерация, 620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kozlova.oa@uiee.ru).

About the authors

Elena B. Bedrina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS;

<https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>; Scopus Author ID: 56658693400 (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: e.b.bedrina@urfu.ru; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bedrina.eb@uiec.ru).

Yerlan Alay — Master of Economics, Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: Aray.yerlan@inbox.ru).

Olga A. Kozlova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>; Scopus Author ID: 5805632300 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 30.01.2025.

Прошла рецензирование: 19.03.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 30 Jan 2025.

Reviewed: 19 Mar 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.